

Следует отметить, что белорусский законодатель под проверочной закупкой понимает «приобретение без цели потребления или сбыта у гражданина, организации предметов и документов, компьютерной информации и иных сведений или осуществление заказа на выполнение работ (оказание услуг) в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД», а под оперативным экспериментом – «вовлечение под контролем должностного лица органа, осуществляющего ОРД, гражданина (граждан), в отношении которого имеются сведения о его преступной деятельности, в созданную органом, осуществляющим ОРД, на основе этих сведений обстановку, максимально приближенную к предполагаемой преступной деятельности этого гражданина (граждан), в целях вызывания определенного события, а также получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД».

На основе анализа проведенных органами внутренних дел Республики Беларусь в 2021 г. указанных ОРМ установлено, что в органах внутренних дел 93 % проверочных закупок и 63 % оперативных экспериментов провели подразделения по наркоконтролю и противодействию торговле людьми, оставшиеся 7 % проверочных закупок и 36 % оперативных экспериментов – подразделения по борьбе с экономическими преступлениями. При этом 54 % проверочных закупок и 78 % оперативных экспериментов подразделения по наркоконтролю и противодействию торговле людьми провели в отношении неустановленных лиц (группы лиц), распространяющих с использованием сети Интернет наркотики. Подразделения уголовного розыска проверочную закупку и оперативный эксперимент не проводили.

Обобщая содержание вышеуказанных ОРМ, можно отметить, что при их проведении в большинстве случаев документировалась противоправная сделка либо факт ее совершения в прошлом, предметом которой были товары, работы или услуги, в том числе запрещенные законом. Заказчиком этих услуг всегда выступали лица, действующие в интересах органов, осуществляющих ОРД, а исполнителем – предполагаемые преступники. В процессе их проведения лицо, преследующее интересы органов, осуществляющих ОРД, реализовывало конкретное целенаправленное воздействие посредством общения (переписки) на конкретное проверяемое лицо (группу лиц), в том числе неустановленное, для документирования объективной и субъективной стороны одного или нескольких взаимосвязанных преступлений, совершаемых и (или) совершенных проверяемым лицом. Как правило, слова и действия со стороны лиц, преследующих интересы органов, осуществляющих ОРД, в ходе проведения указанных мероприятий имитировали противоправную деятельность. При этом проверяемое лицо воспринимало собеседника (лицо, преследующее интересы органов, осуществляющих ОРД) как правонарушителя, совершающего сходные противоправные действия, что вызывало у проверяемого симпатию, желание и возможность реализовать свои преступные намерения. Проверяемое лицо в ходе проведения ОРМ находилось перед добровольным выбором совершать или не совершать противоправные действия, т. е. реализовывалось право на добровольный отказ от преступления.

Анализ публикации российского исследователя Е.Н. Яковца показал, что под проверочной закупкой российские правоохранители понимают «совокупность действий, связанных с реализацией мнимой сделки купли-продажи, в ходе которой с ведома и под контролем субъектов ОРД осуществляется приобретение без цели дальнейшего потребления и сбыта товаров у лиц – объектов оперативной заинтересованности, обоснованно подозреваемых в совершении преступлений... с целью документирования преступной деятельности последних и решения иных задач ОРД», а под оперативным экспериментом – «ОРМ, связанное с созданием полностью управляемых или контролируемых условий для активного наблюдения за лицами – объектами оперативной заинтересованности в целях проверки и уточнения сведений, используемых при решении конкретных задач ОРД». Е.Н. Яковец, основываясь на сыскной практике, выделил два основных вида оперативного эксперимента.

Первый вид оперативного эксперимента направлен на выявление и задержание с поличным заранее неизвестных лиц, которые распознаются как злоумышленники в результате создания специфических условий, свойственных совершению определенных видов преступлений. Например, сотрудники уголовного розыска выставляют в залах ожидания на вокзалах и в аэропортах «бесхозные» чемоданы; оставляют «без присмотра» автомобили-«приманки» в районах их вероятного угона; используют химические ловушки, замаскированные под ценные вещи или банковские денежные упаковки, в местах хранения материальных ценностей и др. В темное время суток практикуются поисковые мероприятия с участием сотрудниц полиции в гражданской одежде в местах возможного появления насильников-маньяков или грабителей, совершающих нападения на женщин. В Республике Беларусь вышеуказанные действия оперативных сотрудников не являются оперативным экспериментом и осуществляются в рамках ОРМ «наблюдение».

Второй вид оперативного эксперимента, проводимого российскими правоохранителями, аналогичен белорусскому подходу. Он применяется для документирования криминальной деятельности конкретных лиц, обоснованно подозреваемых в совершении преступлений (документирования взяточничества, незаконного оборота наркотиков, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также прочих предметов (в том числе предметов недекриминализованных видов контрабанды), изъятых из гражданского оборота).

УДК 348.12

Д.С. Яжжик

АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМ НА ОСНОВЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Разработка систем на основе искусственного интеллекта (ИИ) является перспективным направлением развития информационного обеспечения служебной деятельности правоохранительных органов. Наиболее широкое распространение получают формы ИИ на основе машинного обучения.

Анализ источников позволяет выявить следующие области использования ИИ в деятельности правоохранительных органов. Компьютерное зрение – распознавание лиц, распознавание номерных знаков транспортных средств, анализ изображений и видеозаписей с места преступления для выявления подозреваемых и сбора других доказательств.

Прогнозирование – использование алгоритмов машинного обучения для анализа данных о преступлениях и прогнозировании мест, где преступления могут произойти в будущем, в целях повышения эффективности патрулирования, а также для анализа данных о преступниках в целях оценки вероятности рецидива преступлений.

Чат-боты – использование ИИ для взаимодействия с общественностью через интерфейсы чата, которые могут помочь улучшить общение и более эффективно предоставлять информацию.

Дроны – использование ИИ для управления дронами с целью мониторинга труднодоступных мест и наблюдения в них.

Поддержка принятия решений – использование ИИ для анализа и предоставления данных в режиме реального времени для реагирования на изменения оперативной обстановки.

Синхронный перевод – использование инструментов понимания языка на базе ИИ при общении с людьми с ограниченным владением государственным языком.

Виртуальная реальность – использование моделирования виртуальной реальности в тренажерах по огневой, тактической подготовке, экстремальному вождению.

Значительный прогресс достигнут исследователями, использующими алгоритмы машинного обучения для выявления моделей преступного поведения и прогнозирования вероятности рецидива. Наиболее высокую точность прогнозирования демонстрируют модели ИИ, обученные с использованием контролируемых алгоритмов (обучение с учителем), таких как машины опорных векторов, деревья решений и случайный лес.

Использование ИИ при оценке риска рецидива преступлений или повторного правонарушения может значительно повысить эффективность профилактических мер. Одним из способов использования ИИ для оценки риска рецидивизма является анализ данных о правонарушителях. Правоохранительные органы имеют доступ к большим объемам данных о правонарушителях, включая информацию об их предыдущих судимостях, демографических данных и особенностях социального взаимодействия. Используя алгоритмы машинного обучения для анализа этих данных, ИИ способен выявлять закономерности и факторы риска, которые могут указывать на повышенную вероятность рецидива и обеспечивать информационную поддержку при выборе методов профилактики, социальной адаптации и персонализации интенсивности превентивного надзора.

Другой способ использования ИИ для оценки риска рецидивизма – использование обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP) при анализе содержания сообщений правонарушителя, таких как письма, электронные письма и телефонные звонки. NLP может дать представление о мышлении правонарушителей, мотивации и языковых моделях, что позволит выявить определенные тревожные сигналы, указывающие на повышенную вероятность рецидива преступлений.

Более того, компьютерное зрение может быть интегрировано с ИИ при оценке вероятности рецидива преступлений. Анализ видеозаписей с камер наблюдения способен предоставить существенные объемы разнообразной информации для выявления моделей поведения, идентификации людей и отслеживания их перемещений, что также имеет большое значение при выявлении факторов риска рецидивизма. Инструменты оценки рисков на основе ИИ также можно использовать для персонализации планов ресоциализации правонарушителей.

Однако отметим, что ИИ является мощной технологией, использование которой требует соответствующей квалификации и контроля. Показательной является история использования коммерческой системы прогнозирования рецидивизма на основе ИИ COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions).

Система разработана компанией Northpointe (в настоящее время – Equivant) в 1998 г. и используется судами США для оценки вероятности того, что обвиняемый станет рецидивистом. COMPAS используется в штатах Нью-Йорк, Висконсин, Калифорния, округе Броуард во Флориде и других юрисдикциях. С момента создания этот инструмент был использован для оценки криминального риска при принятии решений об избрании меры пресечения, профилирования правонарушителей в исправительных учреждениях и при принятии решений об условно-досрочном освобождении в отношении более 1 млн правонарушителей. Это программное обеспечение прогнозирует риск совершения обвиняемым правонарушения или уголовного преступления в течение двух лет после оценки на основе 137 характеристик человека, включая судимости, психологические оценки и другую соответствующую информацию. Цель системы – обеспечить более точное прогнозирование рецидивизма, чем традиционные методы, и помочь судьям и сотрудникам исправительных учреждений принимать более обоснованные решения.

Общая критика использования проприетарного программного обеспечения, такого как COMPAS, заключается в том, что, поскольку используемые им алгоритмы являются коммерческой тайной, они не могут быть проверены общественностью и заинтересованными сторонами, а это может быть нарушением надлежащей правовой процедуры. В опубликованном в феврале 2021 г. исследовании Дж. Дрессель и Х. Фариды *The Dangers of Risk Prediction in the Criminal Justice System* показано, что средняя точность прогнозирования COMPAS составляет 65,2 % и сопоставима со средней точностью прогнозирования случайных людей, не имеющих отношения к правоохранительной деятельности, – 62,8 %.

Более того, простые, прозрачные и более интерпретируемые алгоритмы (такие как линейная регрессия) выполняют прогнозы примерно так же, как и алгоритм COMPAS, а сопоставимая точность прогнозирования достигается при анализе всего двух параметров: возраста правонарушителя и наличия предыдущих судимостей.

Таким образом, важно понимать и учитывать ограничения и этические проблемы использования ИИ для оценки рисков рецидивизма. Эти инструменты должны быть проверены. Необходимо также соблюдать осторожность, чтобы избежать системной ошибки в данных, используемых для обучения алгоритмов. Кроме того, использование этих инструментов должно быть прозрачным и объяснимым.

В заключение следует отметить, что использование ИИ для оценки риска рецидива преступлений способно повысить эффективность профилактических мер. Анализ данных о правонарушителях, обработка естественного языка и компьютерное зрение с использованием моделей ИИ могут выявлять закономерности и факторы риска, указывающие на повышенную вероятность рецидивизма. Однако важно понимать, что ИИ – это инструмент поддержки, а не замена человеческого опыта и знаний.

УДК 343.1

М.М. Якубель

КАТЕГОРИЯ «МАТЕРИАЛЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» ТРЕБУЕТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Наличие качественного понятийно-категориального аппарата имеет существенное значение для любой науки. Оперативно-розыскная деятельность не является исключением. Надлежащая теоретическая проработка, корректное определение и последующее нормативное закрепление в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) ключевых понятий, связанных с осуществлением данной деятельности, необходимо для правильного понимания и единообразного применения правовых норм. Не вызывает сомнений, что используемая в законе юридическая терминология должна быть однозначной и порождать в процессе правоприменения наименьшее количество интерпретаций. Именно это обеспечивает надлежащую реализацию норм и, как следствие, эффективное регулирующее воздействие права.

Понятие «материалы оперативно-розыскной деятельности» является одной из базовых категорий теории оперативно-розыскной деятельности. Оно нашло отражение в ст. 2 Закона об ОРД и активно используется в научной и учебной литературе. Кроме того, согласно ч. 2 ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь материалы оперативно-розыскной деятельности могут выступать в качестве источников доказательств в уголовном процессе. Вместе с тем анализ содержания указанного понятия свидетельствует о том, что закрепленное в законе определение не в полной мере раскрывает содержание определяемой категории и нуждается в корректировке.

Так, согласно абзацу седьмому части первой ст. 2 Закона об ОРД материалами оперативно-розыскной деятельности являются оперативно-служебные документы и материальные носители информации, содержащие порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий и сведения, полученные при их проведении, а также иные сведения и документы, полученные при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Рассматривая это определение, следует отметить, что в процессе оперативно-розыскной деятельности в распоряжение органов, осуществляющих данную деятельность, часто попадают различные предметы: оружие, боеприпасы, наркотические средства, денежные средства, вещи, похищенные в ходе совершения преступления, и т. д. Эффективная работа с данными предметами и возможность их последующего использования в процессе доказывания могут быть обеспечены только при наличии четкой законодательной регламентации их правового статуса. Очевидно, что, являясь предметами, полученными в процессе оперативно-розыскной деятельности, они по своей природе являются материалами оперативно-розыскной деятельности, а следовательно, должны быть включены в рассматриваемое понятие.

Вместе с тем указанные предметы не входят в содержание понятий, образующих категорию «материалы оперативно-розыскной деятельности»: «оперативно-служебные документы», «материальные носители информации, содержащие порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий», «сведения, полученные при проведении оперативно-розыскных мероприятий», «иные сведения и документы, полученные при осуществлении оперативно-розыскной деятельности». В этой связи полагаем, что они должны быть включены в понятие «материалы оперативно-розыскной деятельности» как отдельный его элемент.

Семантический анализ содержания категории «материалы оперативно-розыскной деятельности» выявляет наличие в ней двух оборотов, которые, по сути, носят синонимичный характер:

сведения, полученные при проведении оперативно-розыскных мероприятий;
иные сведения и документы, полученные при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Наряду с этим в абзаце десятом части первой ст. 2 Закона об ОРД имеется понятие «предметы и документы», определенное как «вещества, вещи, иные объекты, имущественные права, программные продукты, в том числе изъятые из оборота и ограниченно оборотоспособные, полученные или использованные при осуществлении оперативно-розыскной деятельности».

Содержание указанного понятия достаточно точно отражает категории предметов материального мира, о которых шла речь выше. Кроме того, согласно части второй ст. 20 Закона об ОРД именно предметы и документы могут быть приложены к оперативно-служебному документу, составляемому после проведения оперативно-розыскного мероприятия.

В этой связи полагаем, что при определении термина «материалы оперативно-розыскной деятельности» категория «сведения» должна употребляться только один раз, а во втором случае ее нынешнего применения должна быть употреблена категория «предметы».

Таким образом, предлагается внести коррективы в абзац седьмой части первой ст. 2 Закона об ОРД, определив материалы оперативно-розыскной деятельности как оперативно-служебные документы и материальные носители информации, содержащие порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий и сведения, полученные при их проведении, а также иные предметы и документы, полученные при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Реализация указанного предложения устраним неясность относительно правовой сущности предметов материального мира, полученных в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности, и предоставит легальную возможность опери-